

Тертычная Наталья Николаевна

ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ В. ТОКАРЕВОЙ (О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ)

Статья посвящена одной из принципиально важных проблем творчества В. Токаревой – особенностям психологической характеристики персонажей. Особое внимание уделено психологической детали, речевым характеристикам разного типа, особой ритмической организации текста, психологической антитезе, авторским психологическим комментариям, самохарактеристике персонажей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 161-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**ROLE OF MODERATION STRATEGY IN ENSURING COMMUNICATION OPTIMIZATION
IN ENGLISH-SPEAKING PROFESSIONAL INTERNET FORUMS****Telichko Veronika Olegovna***Taras Shevchenko National University of Kiev, Ukraine**veronikatelichko@yahoo.com*

The article considers the specificity of implementing the status-conditioned strategy of moderation in the English-speaking professional Internet forums and determines its role in ensuring the optimization of communication between members of a professional virtual community. This article allows making the conclusion that the optimal result of communication after the neutralization of communication failures caused by the breach of professional virtual community netiquette is to achieve harmony and understanding among all participants of the communicative process.

Key words and phrases: strategy of moderation; optimization of communication; professional English-speaking Internet forum; professional virtual community; communicative tactics; netiquette; communicative failure; communicative balance.

УДК 821.161.1–32.09+929

Филологические науки

Статья посвящена одной из принципиально важных проблем творчества В. Токаревой – особенностям психологической характеристики персонажей. Особое внимание уделено психологической детали, речевым характеристикам разного типа, особой ритмической организации текста, психологической антитезе, авторским психологическим комментариям, самохарактеристике персонажей.

Ключевые слова и фразы: психологизм; речь; афоризм; психологическая деталь; подтекст; ритм; характеристика.

Тертычная Наталья Николаевна*Луганский государственный медицинский университет, Украина**ter-natalia@mail.ru***ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ В. ТОКАРЕВОЙ (О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ)©**

Проза В. Токаревой, без сомнения, психологическая. Следуя теории М. Бахтина, который выделил два основных пути рассмотрения литературного героя – классический и романтический [1, с. 152-157], определим характер построения персонажа в творчестве В. Токаревой как проявление общего через частное, общечеловеческого через индивидуальность (классический). В ее текстах наблюдается высокая степень психологического обобщения.

Автор черпает материал из окружающей действительности. Как показал анализ текстов, сюжет нередко характеризуется монтажностью, передаются только те моменты, которые наиболее полно характеризуют, раскрывают психологическое состояние персонажа. Показательным в этом плане является рассказ «Пропади оно пропадом». Произведение состоит из фрагментов отдельных событий, которые автор не старается соединить логично и последовательно. Сначала герой дома, потом на работе, потом у любовницы и снова дома. Автор показывает разные стороны бытования персонажа, что позволяет дать ему более полную характеристику.

Психологический анализ идет параллельно с повествованием и доминирует в повестях и рассказах над фабулой. В. Токарева нередко описывает поэтапно действия, поступки героя. На первый взгляд маловажные, мелкие. Автор указывает, что именно из мелкого каждодневного состоит жизнь. «Надо было платить за проезд. Я порылся в карманах, достал мелочь – три копейки и пять копеек. Подумал, что если брошу пятикопеечную монету, то переплачу: ведь билет стоит четыре копейки. Если же опущу три копейки, то обману государство на копейку. Посомневавшись, я решил этот вопрос в свою пользу, тем более что рядом не было никого, кроме близорукой женщины, которая читала газету. Я спокойно оторвал билет, сел против кассы...» [6, с. 357].

В. Токарева редко дает полный портрет героя/героини, только отдельные детали, жесты, мимику, интонации. Например, герой рассказа «Кошка на дороге» описывается как сорокалетний человек с избыточным весом. Отсутствие портретной характеристики является результатом стремления автора изобразить «усредненного» героя, что дает возможность читателю легко «примерить на себя ситуацию» [4, с. 26]. Иногда о внешности вообще ничего не сказано, только внутренние переживания, состояния. Вся повесть «Звезда в тумане» построена на передаче чувств и психологического состояния героини после расставания с мужем, после его предательства. Героиня сталкивается с эмоциями, ранее ей неизвестными. Именно эмоции, подсознание, полусознательное состояние, а не работа мысли, не расчет помогает этой женщине пережить горе. Однообразие угнетает Наташу в рассказе «Уж как пал туман», ощущает неудовлетворенность собой герой из «Пропади оно пропадом», сходит с ума от любви Виктория из рассказа «Свиньячья победа», давит застарелое хроническое «надоело» директора из «Тайны земли», разрывает обида и злоба героя из «Вместо меня» и т.д.

Душевные движения, настроения в произведениях В. Токаревой всегда выходят на первый план, а все рассуждения и «работа разума» являются их следствием. Герои приходят к определенным выводам (чаще

они представлены в форме афоризмов), лишь прочувствовав, ощутив ситуацию или даже «переварив» её на интуитивном уровне. Душевное состояние персонажей передается иносказательно, через предметы, через природные явления, бытовые ситуации: «Вокруг ходили люди, но Лариса не замечала. Она существовала в капсуле чужого несчастья, как косточка в виноградине, и не могла двинуться с места» [14, с. 191].

Токарева – талантливый психолог. Она подмечает такие свойства и закономерности человеческих отношений, о которых не думаешь в каждодневном потоке жизни. Например: «Вера ничего не требовала. Она не умела требовать, и поэтому ей хотелось дать ВСЕ» [7, с. 28]; «Счастлив не тот, у кого много. А тот, которому достаточно» [Там же, с. 30].

Перед читателем возникают как отдельные истории, так и пестрый парад лиц героев времени, за которыми лишь подразумеваются их жизненные истории [3]. В. Токарева умеет через одно единственное событие передать целую жизнь героя. В рассказе «Коррида» на съемках фильма неожиданно попадает в аварию актер Сергей. Через отношение к этому происшествию передаются внутренний мир и чувства всех персонажей повести. Режиссер Аникеев воспринимает смерть актера как возможный крах своей карьеры. При этом идет осмысление его жизненного пути, отношения к творчеству, к семье, к друзьям. Пока Сергей лежал на операционном столе, Аникеев придумывает новый сценарий. Жена обвиняет его в бездушии, но он пытается доказать, что это не только бездушие, это вся его суть. Творческий человек не может жить без дела, даже смерть не в силах его остановить. Для жены Аникеева беда, случившаяся с Сергеем, еще одно доказательство ее счастья и несчастья одновременно. Она в жизни получила все, о чем мечтала (любовь, мужа, сына, деньги...), и все равно по ночам плачет. Контраст ощущений заставляет читателя глубоко сопереживать случившееся. В. Токарева умело создает такие ситуации, чтобы передать противоречия в индивидуальном сознании человека.

В её произведениях очень активно исповедальное начало. Многие произведения написаны от первого лица (как от лица женщины, так и от лица мужчины): «Казино», «Будет другое лето», «Паспорт», «Мужская верность», «Антон, надень ботинки», «Сентиментальное путешествие», «Из жизни миллионеров» и другие. Это позволяет заглянуть в потаённые уголки сознания персонажей.

Кроме того, обращает на себя внимание авторская характеристика и характеристика через другого персонажа (по Б. А. Успенскому, внутренняя и внешняя психологическая точка зрения). Диалоги, интерьер, пейзаж, портретная характеристика представлены меньше.

В таких произведениях, как «Звезда в тумане», «Казино», «Будет другое лето», «День без вранья» (повествование идет от первого лица), герой/героиня раскрываются в самоанализе. Мысли, чувства, поступки, события детально анализируются. «У меня выражение птицы, которой хочется пить, а ей не дают, и похоже, она скоро отбудет из этого мира. Рот полуоткрыт. Глаза полужакрыты. Все нутро как будто вычерпали половником для супа, а туда ведрами залили густую шизофрению. Болит голова. Хочется не жить. Это другое, чем умереть. Просто вырубить себя из времени. Однако вырубить нельзя. Надо идти на работу» [8, с. 280].

Выводы часто метафоризируются и формулируются как афоризмы. М. И. Кудрявцева отмечает, что «в процессе развертывания художественного текста метафора задействуется Токаревой, как правило, при описании очердных граней характера персонажей, выявленных повествователем в сложившейся ситуации» [3, с. 235].

Принципиальную роль в прозе В. Токаревой играет художественная деталь, в том числе в психологических характеристиках. Из отдельных деталей в сознании читателя образуется целостный мир. К общему восприятию образа приводят именно детали, штрихи. Через детали-символы отражение обыденного сознания человека перемежается с осмыслением сложных нравственно-философских категорий и понятий. В рассказе «Полосатый надувной матрас» героиня сравнивает себя в детстве и сейчас, когда ей уже 70. Трудная жизнь, много неудач, но были и удачи, хорошие времена. Воспоминания о надувном разноцветном матрасе из детства придает яркость горькому повествованию. Такого матраса не было ни у кого в то время, это был подарок отца. Матрас выступает символом радостей, случившихся в жизни, красоты, молодости. Невольно читатель сравнивает героиню с этим матрасом. Когда-то она тоже была яркой, молодой, а сейчас «линялая» и старая. Старость в данном случае (как и в творчестве В. Токаревой в целом) выступает как состояние души, является скорее не физиологической категорией, а психологической.

Психологическая деталь-впечатление: «Ник ни о чем таком не подозревал, когда пришел по адресу. Они знакомятся. Видят друг друга. Старик – симпатичный, легкий, с большими, как у кузнечика, сумасшедшими глазами» [5, с. 50]. Автор вводит детали там, где повествование основано на трудно осознаваемых состояниях, побуждениях, интуитивных предположениях. Ник из рассказа «Вместо меня» первый раз видит своего работодателя – милого старика, но у читателя уже возникает сомнение в том, что работа будет спокойной, удачной, невозможно четко определить, внятно объяснить, почему. Сумасшедшие глаза оставляют след в сознании читателя.

Произведения Токаревой своеобразно воздействуют на читателя в эмоциональном плане. Ее произведениям свойственна недоговоренность. Обычно читатель расстается с героями в тот момент, когда ему хочется продолжения, увидеть, к чему же привела встреча, осознание своего Я, расставание и т.д. с другой стороны, автор как бы показывает, что в произведении все и так понятно, а читатель может смоделировать ситуацию до конца, сам договорить и таким образом стать соавтором.

Перед читателем предстает «путаница» мыслей, желаний, поступков, состояний. Произведения наполнены множественностью мотивов, которые не всегда понятны и самим персонажам. Следует говорить о подтекстовом психологизме, когда читатель должен сам, опираясь на авторские намеки, развернуть анализ. В рассказе «Все нормально, все хорошо» главный герой пересказывает историю русского генерала Попова о «настоящей» любви, а потом пытается привнести часть из сказанного в свою жизнь. Возникает вопрос: а смог бы я так, как Попов? Красивая история становится толчком к самоанализу не только персонажа, но и читателя, у каждого возникнут свои ассоциации.

Речь персонажей представляет собой естественное общение, но трансформированное автором и являющееся формой обобщения, как персонажного, так и авторско-читательского. Почти нет в текстах чистого «потока сознания», каждая мысль «расчесана», мастерски обработана автором для лучшего читательского восприятия.

Являясь элементом вторичного авторского мира, диалоги и монологи персонажей помогают передать авторскую мысль и раскрыть психологию героев, побуждают читателя к осмыслению текста произведения. Языковая игра – важная черта прозы В. Токаревой. Игра смыслами в текстах имеет не только интеллектуальный характер, но и развлекательный. Глубокий смысл произведений способен привести читателя к гнетущим рассуждениям и душевным переживаниям, наличие метафорических, афористических, иронических составляющих частично снимает тягостное впечатление и заинтриговывает читателя. В рассказе «Тайна земли» героиня переживает депрессию, и все произведение – тягостные попытки разрешения любовной неудачи, комок боли и непонимания. Но в поток угнетающих размышлений включены несколько фраз, которые заставляют читателя улыбнуться: «Алена была убеждена, что люди произошли не поголовно от обезьян, а каждый от своего зверя. Алена – от кошки. Николаев – конь, но не крупный, а пони. Возможно, и осел» [18, с. 150].

Различные виды речевой характеристики также способствуют углублению психологического анализа. В повествование включается монолог, диалог, цитируемая прямая речь, несобственно-прямая речь. Внутренний монолог – одна из основных форм самохарактеристики: «Я – никакая. Меня никогда не заметишь в толпе, а заметишь – не оглянешься. Меня можно не заметить, даже когда я одна» [17, с. 114]. Внутренние монологи в ряде произведений выступают не как часть текста, вставленная в повествование, а как целое произведение, в котором повествование и монолог сливаются. Например, рассказ «Будет другое лето». В нём внешние события уходят на второй план, в первую очередь читатель проникает в сферу душевных переживаний женщины, а потом возникают события, стоящие за этими переживаниями. Причем особое внимание уделяется деталям душевных трансформаций. Несобственно-прямая речь также является частым приемом в творчестве В. Токаревой. «Человеку свойственно работать хорошо. Он запрограммирован на полное самовыражение. А когда этого нет, наступает великая апатия» [13, с. 189]. Несобственно-прямая речь имитирует непосредственное «восприятие» происходящего [19, с. 54].

Иногда встречаются в текстах В. Токаревой и психологические пейзажи: «Солнце садилось, прощало с этой стороной земли, с морем и горем, птицами и людьми, с еще одним прожитым днем. Небо было расписано абстрактными всполохами – розовыми и малиновыми. Было так красиво, так наполненно, как всегда бывает перед разлукой» [12, с. 280]. Создается психологическая атмосфера. Такие пейзажи могут усиливать кульминационное душевное состояние героя. В творчестве автора принципиальное значение имеют фон, время суток, движение теней, место действия, т.е. все то, что способно как бы помимо, а не через психологию героев выразить мучающие автора проблемы. Если автор говорит о месте или времени, то они становятся способом отобразить внутренний мир героев, все подчинено задаче передать именно психологическое состояние персонажа.

Эмоциональное, душевное состояние героев иногда характеризуется подробно, детально, а иногда как бы мимоходом, случайно, без усилий, только одна деталь определяет внутреннее состояние. Например, героиня повести «Шла собака по роюлю» в поезде выключает настольную лампу, и купе освещается лунным светом. Такое изменение искусственного света на природный характеризует перемену в героине, осознание, что для нее является наиболее важным в жизни. Чаще всего непонятное, смутное не разъясняется, читатель сам должен определить: как, зачем и почему.

Проза В. Токаревой характеризуется динамикой эмоций, впечатлений, ощущений. Антитеза передает внутреннее состояние персонажа. Показательным примером служит повесть «Мужская верность». Начало задает тон произведению: повествователь (женщина) рассказывает о своей молодости, надеждах и чувствах. Уже тогда в ней боролись два начала: «Я не шла замуж (второй раз) еще и потому, что интуитивно тяготела к покою, а не к душераздирающим страстям. Я хотела страстей и не хотела одновременно. Единство и борьба противоположностей» [11, с. 182]. Героиня противопоставляет две стороны жизни: жизнь с мужем и встречи с любовником. Первая – рутинная и тоскливая, вторая – яркая и бурная. Но героиня не хотела менять первое на второе, в нем слишком много эмоций: «Такое чувство можно было вынести два дня в неделю. А жить с таким чувством постоянно – невозможно. Как невозможно есть ложками растворимый кофе» [Там же]. Они с мужем – «комплект», который нельзя разрушать, даже если нет любви. А с любовником – «растворимый кофе ложками». Читатель обращается к своему опыту и ощущает, насколько это невкусно и опасно для здоровья: меткое сравнение работает на уровне вкусовых ощущений.

Героиня сравнивает своего мужа и мужа подруги Нади. Надин муж «виртуальный», завел «постоянку» на стороне, муж героини – «другая крайность: не гуляет, не нарывается, но – тоска» [Там же, с. 181]. У героини все время возникает «НО»: «Мой муж наверняка страдал от этой моей бездарности, но терпел» [Там же, с. 184]; «Надька не дождалась приглашения и позвала к себе. Дом у нее был уютный, но тесный» [Там же]. Даже характеризуя собственного мужа, она соединяет положительное и отрицательное. Называет его «бурое болото», семейную жизнь – «сидеть по ноздри в болоте». Тоскливые, безрадостные ассоциации вызывает данная метафора. И тут же героиня оправдывается, вспоминая ситуацию подруги: «Мой муж скучный, но он при мне. Плохонькое, да мое» [Там же, с. 183]. Постоянное «НО» отражает двойственность характера и мировосприятия персонажа и вызывает у читателя субъективные ассоциации, провоцирующие размышления и самоанализ.

В. Токарева показывает как духовный рост человека («Будет другое лето», «Свиньячья победа», «Паша и Павлуша», «Длинный день», «День второй» и т.д.), так и его деградацию («Дерево на крыше», «Антон, надень ботинки», «А из нашего окна» и т.д.). Писательница с разных позиций подходит к процессам изменения в личности. Очень четко подмечает причинно-следственные связи в процессе эволюции (деградации) личности.

Для одних героев причиной задуматься о своей жизни, душе, близких становится чувство любви («Свиньячья победа»...), для других – болезнь близкого человека («Я есть. Ты есть. Он есть», «Длинный день»), для третьих – осознание их собственной безликости, нереализованности, одиночества. Кажется, что В. Токарева поставила себе задачу изобразить жизнь простых россиян во всей ее полноте. Она как бы вытаскивает из жизни самые разные (чаще типичные, иногда исключительные) ситуации. Каждый рассказ или повесть имеет свою тональность, в основе которой внутреннее состояние героя: тоска, грусть, ненависть, страх или, наоборот, счастье, радость, любовь. Именно эта тональность придает произведениям автора неповторимость.

Как уже было замечено ранее, Токарева нередко даёт опосредованные характеристики душевного состояния своих героев (через что-то или кого-то). Но иногда она открыто говорит о чувствах героев и героинь: «Лена вдруг испытала такое вселенское одиночество, как перед казнью. Она одна наедине со злом» [7, с. 81]; «Аникеев был точно уверен, что с Сережей скоро что-то произойдет. Сережа и математически, и интуитивно шел к своему концу. Отсюда этот взгляд, исполненный трагизма. Плохое слово — «полненный»». Но именно исполненный, полный и переполненный тревогой, тоской» [9, с. 247-248].

Для более четкого осознания ситуации и душевного мира героя у В. Токаревой всегда наготове оригинальные сравнения и метафоры, которые запечатлевают незабываемую «картинку» в сознании читателя. Например, автор не просто сообщает, что жена собирается уйти от мужа, но проводит параллель: муж на кухне собирается убить топором сома, но делает это нерешительно. Жена понимает, что должна убить мужа известием о том, что уходит от него, но не смогла «ударить по живому». Автор добивается того, чтобы читатель поставил себя на место героя/героини, может, даже отождествил себя с ним.

Из одного, казалось бы, незначительного события автор или повествователь может сделать немало жизненно важных заключений. Даже самое мелкое происшествие приобретает большую значимость. Простая уборка в рассказе «Маша и Феликс» осмысливается философски. Герои, живущие в беспорядке и бардаке, попав в другую квартиру, «случайно» заметили, что чистота оказывается лучше, что она не просто что-то внешнее, а важная составляющая взаимодействия человека и окружающего пространства. Изменив мир вокруг, человек способен изменить и себя.

Использование метких сравнений и метафор подчинено авторскому замыслу – дать описание, определение или оценку характеру, событию (эстетическая, изобразительная и оценочная функция [2, с. 7]): «На выигранные деньги я купила себе норковую шубу цвета песка. Отрезала волосы, повесила над бровями челку, поменяла стиль. И когда я шла, молодая и уверенная, в дорогой длинной шубе, никому не приходило в голову, что в спине у меня нож» [16, с. 71].

Каждая тема, каждое событие закрепляются обобщающими формулами. Таким образом, подводятся итоги, делаются выводы, принимаются решения. Такие формы как нельзя лучше подходят для жанра рассказа и малой повести, в которых работает автор, так как они требуют емкости, лаконизма.

Для создания целостного образа человека в рассказах и повестях В. Токаревой очень важен ритм. Ритм не только фраз на уровне синтаксическом, но и ритм на уровне эмоциональном, когда цепочка обычных событий неожиданно разрывается чем-то экстраординарным и опять сменяется рутинным настроением. В повести «Мужская верность» героиня, повествующая о событиях, все время повторяет фразу «я не права». Сначала она выражает какую-то мысль, а потом сомневается. Рефренная фраза создаёт ритм внутренней дискуссии в конфликте «Я ↔ Я».

Отличительной чертой рассказов и повестей В. Токаревой можно считать стремление персонажей к самооценке. Чтобы осмыслить свою жизнь, все персонажи обращаются к самоанализу. «Я не люблю никакого хлама ни в доме, ни в душе, ни в отношениях, ни в своих страницах. Я вычеркиваю лишние слова, выкидываю лишние вещи. И тем более не вступаю в лишние отношения» [10, с. 28]. Автор изображает внутренние кризисы человека, попытки установить душевное равновесие и невозможность осуществления этого по многим причинам.

Таким образом, наиболее активными средствами психологической характеристики персонажа являются психологическая деталь, психологический портрет и пейзаж, несобственно-прямая речь, антитеза (на разных уровнях произведения), ритмическая организация текста, авторский комментарий и самохарактеристика персонажей.

Список литературы

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Калашникова Н. М. Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 26 с.
3. Кудрявцева М. И. Контекстное употребление образных средств как способ конструирования подтекста в прозе В. Токаревой // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. 2010. № 2. С. 231-242.
4. Савенкова Л. Б. Взять и додумать до конца // Русская речь. 2000. № 2. С. 25-31.
5. Токарева В. Вместо меня // Токарева В. Мужская верность. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 48-61.
6. Токарева В. День без вранья // Токарева В. Мужская верность. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 355-381.
7. Токарева В. Дерево на крыше // Токарева В. Дерево на крыше. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2012. С. 5-179.
8. Токарева В. Звезда в тумане // Токарева В. Лиловый костюм. М.: Фирма; АСТ, 1998. С. 270-316.
9. Токарева В. Коррида // Токарева В. Мужская верность. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 243-269.
10. Токарева В. Маша и Феликс // Токарева В. Маша и Феликс. М.: АСТ, 2005. С. 11-49.
11. Токарева В. Мужская верность // Токарева В. Дерево на крыше. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2012. С. 180-210.
12. Токарева В. На черта нам чужие // Токарева В. Одна из многих. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; Хранитель, 2007. С. 271-280.
13. Токарева В. Паша и Павлуша // Токарева В. Перелом. М.: АСТ; ЛЮКС, 2005. С. 155-206.
14. Токарева В. Плохое настроение // Токарева В. Первая попытка. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2008. С. 184-197.
15. Токарева В. Полосатый надувной матрас // Токарева В. Гладкое личико. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2011. С. 169-185.

16. Токарева В. Система собак // Токарева В. Перелом. М.: АСТ; ЛЮКС, 2005. С. 42-73.
17. Токарева В. Скажи мне что-нибудь на твоём языке // Токарева В. Банкетный зал. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2008. С. 114-134.
18. Токарева В. Тайны Земли // Токарева В. Банкетный зал. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2008. С. 141-160.
19. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 58 с.

PSYCHOLOGISM OF V. TOKAREVA'S PROSE (ON SOME ASPECTS OF PROBLEM)

Tertychnaya Natal'ya Nikolaevna
Lugansk State Medical University, Ukraine
ter-natalia@mail.ru

The article is devoted to one of the fundamentally important problems of V. Tokareva's creative works – the features of characters' psychological description. Particular attention is paid to the psychological detail, the speech characteristics of different types, the particular rhythmic organization of the text, the psychological antithesis, author's psychological comments, and the self-description of characters.

Key words and phrases: psychologism; speech; aphorism; psychological detail; subtext; rhythm; description.

УДК 808

Филологические науки

В статье рассматривается проблема диалогичности художественного текста, которая выступает как одна из его важнейших категорий. Систематизируются существующие точки зрения на понятие диалогичности и на формы проявления данной категории в тексте. В статье показано, что основными участниками художественной коммуникации являются автор, персонаж и читатель, которые активно взаимодействуют между собой. Правильное декодирование внутритекстовых связей способствует созданию наиболее точной модели нарративного дискурса.

Ключевые слова и фразы: диалогичность; художественный текст; дискурс; автор художественного текста; художественная коммуникация.

Федотова Оксана Сергеевна, к. филол. н., доцент
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
o.fedotova@rsu.edu.ru

ПРОБЛЕМА ДИАЛОГИЧНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЗАИЧЕСКОГО ДИСКУРСА©

В последнее время проблема художественной коммуникации все чаще привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Поднимается вопрос о диалогическом сознании, которое «позволяет понять все многообразие форм и структур в жизни, литературе и искусстве» [11, с. 62]. Диалогизм трактуется как новая философская призма, позволяющая не только увидеть и оценить новое, но и по-другому посмотреть на давно известное и привычное [11].

Термин диалог – греческого происхождения, в котором *dia-* обозначает не «два», как это можно было бы на первый взгляд предположить, а «через». Соответственно, слово «диалог» означает «черезсловие», то есть попеременное владение словом [22]. Многие исследователи считают возможным представить диалог как вид текста, особенностью которого является то, что стратегию его развертывания определяет не один человек, а два или более, объединенные общей целью [Там же]. Следовательно, автор (адресант) и адресат являются важными концептуальными составляющими модели стиля. При этом представление об адресате разработано в настоящее время лучше, чем представление об адресанте. Это связано с общей установкой традиционной стилистики на декодирование особенностей речевого сообщения, а не на изучение процессов кодирования информации [3].

По точному замечанию Г. В. Колшанского, текст включает в себя два адресата: отправителя и получателя. В целом любой текст, в том числе и монологический, необходимо рассматривать как двусторонний, т.е. текст, обращенный к определенному адресату [8, с. 172].

Похожей точки зрения придерживается Т. Ф. Плеханова, которая небезосновательно утверждает, что диалогический аспект является важной характеристикой дискурса, так как, с одной стороны, необходимо рассмотреть, как дискурс создается и понимается участниками речевого взаимодействия, а с другой – как он функционирует в социальном контексте [11, с. 61].

Проблема диалогичности художественного текста связана с понятием диалогичности как основного свойства языка и речи. Несомненно, ведущую роль в изучении диалогичности текста играет исследование М. М. Бахтина, который утверждает, что «событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда